

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1998 г. А.А. ЗАЛЕВСКАЯ

ПСИХОЛИНГВИСТИКА: ПУТИ, ИТОГИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

На рубеже веков вполне естественно стремление осмыслить результаты исследований и перспективы дальнейшего развития той или иной науки. Для наук гуманитарного цикла эта задача в настоящее время совпала с так называемой “сменой парадигмы”, что еще больше побуждает к “методологической рефлексии” [Фрумкина 1996], особенно важной для сравнительно “молодых” дисциплин, к числу которых относится психолингвистика (далее – ПЛ). Ниже предлагается критический анализ публикаций, так или иначе касающихся понимания специфики развития ПЛ за 50 лет.

1. ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ И ЕЕ “ОТРАСЛЕВАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ”

Во многих публикациях появление ПЛ в середине нашего столетия соотносится с общей тенденцией возникновения новых наук “на стыке” тех традиционных научных подходов, которые уже не могли полностью отвечать задачам современности. Западающиеся науки получали названия из двух (как психолингвистика) и из трех компонентов, в чем отразилась насущность комплексного подхода к объяснению фактов, интерпретация которых не укладывалась в рамки какой-либо одной из контактирующих дисциплин. Как указывает А.А. Леонтьев, ПЛ “возникла в связи с необходимостью дать теоретическое осмысление ряду практических задач, для решения которых чисто лингвистический подход, связанный с анализом текста, а не говорящего человека, оказался недостаточным” [Леонтьев 1990: 404]; в числе таких практических задач им названы обучение родному и иностранному языкам, речевое воспитание дошкольников и вопросы логопедии, восстановление речи после мозговых травм, речевое воздействие, авиационная и космическая психология, судебная психология и криминалистика, машинный перевод и т.д. Несколько иначе видит причину возникновения ПЛ Р.М. Фрумкина [Фрумкина 1996: 57], отмечая, что ПЛ по определению была замыслена как дисциплина, восполняющая тот недостаток науки о языке, что много лет лингвисты открыто отказывались от попыток описывать язык как психический феномен. К этому следует добавить, что недостаточным оказался и чисто психологический подход к решению подобных практических и теоретических задач, а сама постановка вопросов, поиски путей их решения и интерпретации получаемых результатов требовали обобщений на более высоких уровнях. Вместе с тем акцентирование внимания на “стыковом” характере новой науки затенило (а для многих авторов – подменило) основную цель создания ПЛ: не простое “сложение” возможностей двух контактирующих наук или эпизодическая опора на привлекаемые из смежной области знаний теоретические положения или результаты исследований, а именно разработка нового научного подхода, способного преодолеть неизбежную огра-

ниченность “узковедомственного” изучения тех или иных фактов и тем самым обеспечить новые ракурсы их видения и объяснения.

Известно, что от желаемого до действительного дистанция велика. Для достижения такой цели должны были сложиться определенные условия в общем развитии мировой науки, чтобы к настоящему времени стала несомненной необходимость интегрирования не только лингвистики и психологии, но и ряда других наук о человеке (см. ниже). Это объясняет, почему пока что ПЛ то и дело характеризуется с позиций разной отраслевой принадлежности в зависимости от того, какая из составляющих “стыка” оказывается доминирующей. Так, некоторые авторы понимают под ПЛ “вариант” лингвистики [Сахарный 1989], квалифицируют теорию речевой деятельности как специфический ракурс теоретического языкознания [Сунрун 1996] или уточняют, что ПЛ – это экспериментальная лингвистика [Prideaux 1984]. По мнению А.А. Леонтьева, напротив, ПЛ “на современном этапе ее развития органически входит в систему психологических наук” [Леонтьев 1997: 20]. Это согласуется с зарубежной трактовкой ПЛ преимущественно в качестве раздела психологии (в последние годы речь обычно идет о когнитивной психологии) или – более широко – раздела когнитивной науки в целом. Такой подход нередко находит отражение в формулировках названий учебников типа “Psychology of language”, с уточнением в предисловии, что речь идет о “принципах психолингвистики” (см. например, [Carroll 1994]). Нередко под ПЛ понимают определенное направление исследований, сопровождая этот общий термин уточнением имени основного представителя такого направления или просто подразумевая его (например, “ПЛ Осгуда”, “ПЛ Хомского”). К сожалению, так как со временем такое подразумевание утрачивается, эта специфическая трактовка начинает распространяться на ПЛ в целом. Так, в одной из публикаций ПЛ определена как “лингвистическая дисциплина, исследующая психологическую реальность лингвистических моделей и теорий” [Баранов, Добровольский (Ред.) 1996: 481], что на самом деле отображает лишь популярное в 70-е гг. толкование ПЛ с позиций идей Н. Хомского и Дж. Миллера. Довольно широко распространено также упрощенное, ошибочное понимание ПЛ как чего-то связанного с экспериментом и не требующего особой фундаментальной теоретической подготовки в области лингвистики и/или психологии. Такое заблуждение приводит к дискредитации ПЛ и заслоняет ценность подлинно научных исследований, возможных только при условии глубокого понимания закономерностей, уже установленных в названных науках (см. также [Фрумкина 1996]).

Как бы то ни было, следует признать справедливым высказывание Е.Ф. Тарасова о том, что ПЛ в настоящее время – “это собирательное название для научных теорий, ориентирующихся часто на не только несовпадающие, но иногда прямо противоположные методологические представления; психолингвистические школы и направления возникали на разной национальной и культурной основе, связаны с разными психологическими и лингвистическими школами” [Тарасов 1991: 3].

Итак, ПЛ еще предстоит обосновать и доказать свой статус самостоятельной науки (а не “довеска” лингвистики или психологии), что требует разработки фундаментальной теории высокой объяснительной силы.

2. РАЗНЫЕ ПОДХОДЫ К ПЕРИОДИЗАЦИИ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ И КЛАССИФИКАЦИИ ЕЕ ВЕДУЩИХ НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ

ПЛ как наука оформилась в начале 50-х гг. нашего века. Однако известно, что предпосылки для ее возникновения имелись задолго до этого.

Чаще всего разные авторы прослеживают корни ПЛ в трудах В. Гумбольдта и В. Вундта, а также в работах многих отечественных ученых – лингвистов, психологов, физиологов (А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртене, А.А. Шахматова, И.М. Сеченова, Н.А. Бернштейна, С.И. Бернштейна, Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, Н.И. Жинкина и др.; см., например, [Леонтьев 1997; Зубкова 1997; Наумова 1990; Тарасов 1987, 1991]). Так, Т.Н. Наумова отмечает, что союз языкознания и психологии длится уже свыше 100 лет. Она

анализирует психологически ориентированные синтаксические теории в отечественной лингвистике, трактуя их как закономерные звенья научной эволюции с учетом как современного им теоретического "контекста", так и сегодняшнего дня развития ПЛ. Показав роль А.А. Потебни как основоположника психологически ориентированного языкознания, Т.Н. Наумова детально обсуждает также идеи Д.Н. Овсянко-Куликовского, Д.Н. Кудрявского, Ф.Ф. Фортунатова, А.М. Пешковского, А.А. Шахматова, С.И. Бернштейна и прослеживает их отражение и преломление в концепции речемыслительной деятельности Л.С. Выготского, стоящего у истоков отечественной психологии и психолингвистики. Т.Н. Наумова справедливо отмечает, что психологическая интерпретация языковых фактов в рамках той или иной концепции с позиций "чистой" лингвистики обычно рассматривалась в лучшем случае как "довесок" к п р а в и л ь н ы м лингвистическим идеям, а чаще – как недостаток или заблуждение автора, однако именно подобного рода "заблуждения" оказались "вполне перспективными, стимулирующими и значимыми для концепции Л.С. Выготского" [Наумова 1990: 175]. Известно, что идеи Льва Семеновича Выготского во многом определили особенности становления и дальнейшего развития ПЛ в нашей стране, а также до сих пор привлекают внимание зарубежных ученых, стимулируя разработку ими соответствующих направлений исследований (см., например, [Wertsch 1986; Sternberg 1995]).

Отмечено (см. [Blumenthal 1987]), что междисциплинарные контакты между психологией и лингвистикой устанавливались дважды: первый раз в начале века, в основном в Европе, а во второй – в середине века, в основном в США.

А. Блюменталь указывает, что в обоих случаях имел место своеобразный а с и м - м е т р и ч н ы й союз дисциплин. В первые десятилетия века лингвисты обратились к психологии в поисках ответа на вопрос, как люди используют язык, пытаются строить лингвистическую теорию на базе психологических понятий образа, репрезентации, памяти, внимания и т.д. Однако вследствие конфликта между противостоящими психологическими теориями лингвисты вернулись к мысли о том, что лингвистика и психология преследуют разные цели. В промежуточный период в обеих дисциплинах доминировал бихевиористский подход, и они игнорировали одна другую. В середине века, наоборот, психологи обратились к лингвистике для разработки психологии языка. С опорой на формальную лингвистическую теорию они стали писать "грамматики" пользования языком ("grammar" of language performance), описывать когнитивные процессы в терминах "субъективного лексикона", трактовать память как "пропозициональную сеть", основывающуюся на синтаксических отношениях, а также рассуждать о "языке мысли". Однако на этот раз конфликт между лингвистическими теориями привел теперь уже психологов к мысли о различии целей психологии и лингвистики¹, результатом чего стал отказ от следования лингвистическим теориям при разработке психологических теорий языка. Как полагает А. Блюменталь, история взаимоотношений между психологией и лингвистикой может трактоваться как несчастливая, поскольку периоды иллюзий и интеграции этих дисциплин сменялись периодами разочарований и размежевания. Однако, по его мнению, на это можно смотреть иначе, более оптимистично, если учитывать, что кратковременный союз психологии и лингвистики вел к изменению точек зрения в той или иной науке. Тем не менее, в действительности подлинной, или сбалансированной, интеграции психологии и лингвистики никогда не было [Blumenthal 1987: 322].

История ПЛ иначе трактуется в статье [Reber, 1987], где отмечается, что ПЛ возникла внезапно в 50–60-е гг. нашего столетия, а затем претерпела почти такой же внезапный упадок как самостоятельная наука по ряду причин, в том числе из-за растущей изоляции от психологии, предпочтения формальной теории экспериментальным результатам, ряда модификаций "стандартной лингвистической теории" (речь идет о работах Н. Хомского – АЗ), отсутствия учета функциональной направленности экспериментальной психологии. Отсюда то, что вначале выглядело как революция, обернулось просто частным реформированием, которое произошло попутно с действительно происшедшей когнитивной революцией, но независимо от нее. Следует подчеркнуть, что в этой статье полемический пафос

¹ Скорее в данном случае речь должна идти не столько о конфликте между конкурирующими лингвистическими теориями, сколько о том, что американские психологи взяли за основу именно ф о р - м а л ь н ы е теории языка, далекие от реальной картины функционирования языка в естественной ситуации

нацелен фактически против того направления в ПЛ, которое ориентировано на теорию Н. Хомского, с чьим именем в США принято ассоциировать ПЛ, распространяя тем самым специфичность данного направления на всю ПЛ. Сходная трактовка союза психология с лингвистикой как неудачного и ведущего к разочарованию содержится в статье [McCauley 1987], где подчеркивается, что интеграция возможна, когда хотя бы одна из вступающих в союз наук располагает стабильной зрелой теорией.

По вопросу периодизации становления и развития ПЛ нет единства мнений, при этом разными авторами используются как сходные, так и весьма различающиеся основания для сравнения и классификации тех или иных ПЛ концепций. Это можно увидеть на примере сопоставления двух работ, близких по времени их публикации: первая из них отражает широко распространенную в России точку зрения [Тарасов 1991], а вторая дает представление об одном из подходов к этому вопросу в США [Kess 1993], что позволит нам проследить факты сходства и различий в определении круга исследуемых ПЛ проблем, периодизации развития ПЛ как науки, а также особенности расстановки акцентов при выделении оснований для классификации.

К числу ведущих проблем ПЛ Е.Ф. Тарасов относит “производство и восприятие речевого высказывания вместе с проблемой речевого общения и усвоение языка ребенком” [Тарасов 1991: 3]. Признавая, что задолго до возникновения ПЛ как науки – в работах В. Гумбольдта, В. Вундта и других ученых – высказывались те или иные гипотезы и соображения относительно ставших предметом ПЛ проблем, Е.Ф. Тарасов кратко излагает историю психолингвистических школ. Им рассмотрены: а) ПЛ Ч. Осгуда, выросшая из бихевиористской психологии языка, опиравшаяся на дистрибутивную лингвистику и теорию коммуникации и ставившая задачей ПЛ изучение отношения между структурой сообщений и качествами индивидов, которые производят и принимают сообщения; б) ПЛ Дж. Миллера и Н. Хомского как определенный этап сотрудничества психологии и лингвистики, когда правила порождения предложений в трансформационной грамматике Н. Хомского, имевшей статус описательной модели языка, были приняты за функциональную модель, поддающуюся верификации в психологическом эксперименте; в) ПЛ “третьего поколения”, характеризующаяся критикой предшествующих направлений исследований, резким усилением внимания к семантике и стремлением изучать реальных говорящих в определенных контекстах при отсутствии хорошо формализованных теорий; г) теория речевой деятельности как научная парадигма (противостоящая и прежним психолингвистическим школам, и “конгломерату” частных идей третьего поколения ПЛ), развиваемая в нашей стране в качестве неотъемлемой части общей психологии и акцентирующая внимание на процессах производства и восприятия речи, на речевых операциях, на целенаправленности и мотивированности речевой активности, включенной в структуру неречевой деятельности человека в качестве числа некоторого социума. При этом Е.Ф. Тарасов подчеркивает, что понятийный аппарат каждой психолингвистической школы складывается из двух фрагментов: психологического и лингвистического, а своеобразие каждой из обсуждаемых школ выводится из соответствующих психологических теорий и/или лингвистических представлений. Заметим, что здесь прослеживается трактовка ПЛ как науки “стыкового”, а не интегративного типа².

Дж. Кесс [Kess 1993] тоже указывает на то, что ПЛ предстает как многообразие теоретических и экспериментальных подходов к различным аспектам языка и связанного с ним поведения человека, при этом выбранная в качестве исходной теоретическая модель в определенной мере предопределяет не только исследуемый аспект речевого поведения, но и постановку тех или иных вопросов и пути их решения. ПЛ – это научная дисциплина, пытающаяся разработать лингвистически и психологически

² По мнению Е.Ф. Тарасова, к стыковым (пограничным) дисциплинам можно отнести также и когнитивную психологию, и когнитивную лингвистику [Тарасов 1996: 15].

валидную теорию, которая объяснила бы природу языка и его усвоение детьми. В качестве основных исследовательских проблем ПЛ выступают понимание и продуцирование речи, усвоение родного языка ребенком.

В развитии ПЛ Дж. Кесс выделяет четыре основных периода: I – период формирования; II – лингвистический период; III – когнитивный период; IV – текущий период когнитивной науки. Для первого из названных периодов было специфично влияние идей структурализма и бихевиоризма, второй связан с доминированием трансформационной порождающей грамматики в лингвистике и в ПЛ. Когнитивный период характеризуется отказом от провозглашенной Н. Хомским идеи центральной роли грамматики и признанием взаимосвязи грамматики и семантики, а языка – с другими когнитивными и поведенческими системами, вовлеченными в процессы его усвоения и использования. Текущий период развития ПЛ отличается становлением когнитивного подхода как междисциплинарной науки, привлекающей ПЛ в более широкий круг исследований, связанных с установлением природы знаний, структуры ментальных репрезентаций и того, как эти знания и репрезентации используют в мыслительной деятельности типа рассуждений и принятия решений.

Для понимания предпринятого Дж. Кессом разграничения двух последних периодов необходимо разобраться в нескольких терминах с совпадающим элементом *когнитив-*, что делает их трудно различимыми и приводит к их смешению. Прежде всего следует помнить, что реакцией на бихевиоризм, отрицавший возможность изучения сознания в качестве предмета научного исследования и сводивший психику к различным формам поведения, явились ментализм, т.е. стремление обратиться к мыслительной сфере человека, и когнитивизм как специфическая точка зрения, согласно которой все ментальные процессы, в том числе восприятие, включают мышление, решение проблем (со временем эта точка зрения была подвергнута критике, см., например, [Dreyfus 1995: 73–74]). Когнитивная психология, поставившая своей задачей изучение природы познавательных (когнитивных) процессов, с самого начала испытала большое влияние со стороны исследований в области искусственного интеллекта. Однако складывающиеся на этой основе теории оказались недостаточными для объяснения познавательных процессов человека и их механизмов, что в дальнейшем привело к осознанию необходимости более широкого междисциплинарного подхода, квалифицируемого в качестве когнитивной науки, объединяющей усилия философов, психологов, лингвистов, нейрофизиологов, специалистов в области искусственного интеллекта и др. для разработки теорий большой объяснительной силы, или макротеорий (см., например, [McClelland 1995; Sternberg 1995]). Имеется и более узкая трактовка основной идеи когнитивной науки как признания того, что (в русле идей Н. Хомского) ментальные процессы представляют собой трансформации ментальных репрезентаций [Fodor 1995]. Массовый переход ученых от исследования поведения к изучению интеллекта (в том числе машинного), выявлению природы соответствующих процессов и их механизмов, принял вид “пандемии когнитивизма” (нередко с отрицательной оценкой самого понятия *когнитивизма* как очередного “перегиба палки”, связанного с завышенной оценкой роли мышления и недооценкой роли неосознаваемых процессов, эмоций и т.д.).

Дж. Кесс признает, что современные психолингвистические концепции отображают значительное теоретическое разнообразие, имеющее место как в лингвистике, так и в психологии, при этом ведутся и подлинно междисциплинарные научные изыскания. Больше чем когда бы то ни было ранее, исследователи ныне знакомятся с результатами из смежных областей, демонстрируя широту знаний и ставя проблемы, которые не могут быть ограничены рамками одной дисциплины.

Нетрудно заметить, что оба названных автора – Е.Ф. Тарасов и Дж. Кесс – высказывают сходные мнения о задачах ПЛ, акцентируя внимание на производстве и понимании речи и на овладении языком; оба они подчеркивают значимость влияния лингвистических и психологических теорий на становление психолингвистических концепций.

Что касается периодизации развития ПЛ, то первые два периода, названные Дж. Кессом, фактически совпадают с рассматриваемыми Е.Ф. Тарасовым ПЛ Огуда и ПЛ Миллера и Хомского, хотя нельзя не заметить разницы в подходах к классификации и непоследовательности в использовании классификационных принципов. Так, Дж. Кесс подчеркивает важность факта становления и развития ПЛ в целом и ее когнитивной ориентации в частности, однако из этого ряда выпадает квалификация второго периода как “лингвистического”, что подразумевает противопоставление его “психологическому” или какому-то еще периоду. В отличие от этого Е.Ф. Тарасов использует традиционное наименование двух первых периодов развития ПЛ по именам авторов центральных для этих периодов психолингвистических концепций, в то время как далее вступают в действие иные основания для классификации: сначала учитывается фактор последовательности (ПЛ “третьего поколения”), а затем используется название рассматриваемой теории. Таким образом, в одном из обсуждаемых источников наблюдается смещение двух, а в другом – трех оснований для классификации. Наибольшее расхождение между рассматриваемыми источниками связано с тем, что Е.Ф. Тарасов дает детальную характеристику теории речевой деятельности (отечественной ПЛ), в то время как Дж. Кесс полностью игнорирует существование такого направления в мировой ПЛ, но акцентирует внимание на когнитивном подходе и его интеграции в ПЛ. К тому же теория речевой деятельности, названная Е.Ф. Тарасовым после трех периодов развития ПЛ, вовсе не выступает в качестве содержания хронологически последующего – “четвертого периода”: имеется в виду, что она соотносится со всеми тремя другими периодами, сосуществуя параллельно с “ПЛ Огуда” и т.д. и проходя свой собственный путь, особенности которого в работе Е.Ф. Тарасова не обсуждаются.

Можно привести и другие мнения относительно периодизации развития ПЛ. Так, Д. Кэрролл [Carroll, 1994] рассматривает: “раннюю психолингвистику” (Early Psycholinguistics) в Европе (от организации В. Вундтом первой психологической лаборатории в 1879 г.); период господства бихевиоризма и идеи вербального поведения в США (с 1920-х гг.); “более позднюю ПЛ” (Later Psycholinguistics) как междисциплинарную науку, начало которой было положено семинарами 1951 и 1953 гг., хотя ее фактический расцвет был, по мнению Д. Кэрролла, связан с появлением работ Н. Хомского, содержащих резкую критику бихевиоризма и противопоставление последнему идей трансформационной порождающей грамматики (так называемая “хомскианская революция”³). Последние 15–20 лет Д. Кэрролл рассматривает как текущий период развития ПЛ (Current Directions). При этом подходе в разграничение хронологических периодов (ранний, более поздний, текущий) вклинивается определение одного из них через указание на господствовавшие тогда поведенческие теории.

Попытки дать периодизацию становления и развития ПЛ с опорой на четкие и непротиворечивые основания для выделения определенных научных направлений сталкиваются с большими трудностями. Дело в том, что хронологически многие направления сосуществуют, развиваются параллельно; о возникновении некоторых новых идей становится широко известно только после появления той или иной фундаментальной (или амбициозно-полюемической) работы и “вала” ссылок на нее в ряде других публикаций, а попытки сторонников какого-то подхода “похоронить” иной (конкурирующий) подход вовсе не свидетельствуют о прекращении исследований и об остановке дальнейшего развития соответствующей теории. Как справедливо отмечает Р.М. Фрумкина, оценки итогов существования науки за определенный период не могут быть объективными, поскольку они всегда отражают личное самочувствие исследователя, занятого в определенной научной области [Фрумкина 1995: 509–510]. Более того, в поле зрения того или иного автора может попасть лишь ограниченный круг публикаций, что неизбежно влечет за собой некоторое искажение общей картины (на это в свое время указал Ян Пруха [Prucha 1978: 88] в рецензии на книгу [Kess 1976], упрекнув автора в том, что он ограничивает рассмотрение ПЛ пределами лишь “североамериканского пейзажа”). К тому же активно работающие авторы

³ В этой связи следует отметить, что ученики и последователи Н. Хомского вообще начинают отсчет истории ПЛ с публикации его работ, см., например, [Pinker, 1995]

то и дело вносят коррективы в трактовку тех или иных понятий, со временем пересматривают свои концепции и свое отношение к взглядам коллег⁴, однако информация об этом не всегда в должной мере воспринимается читателями. Отсюда вытекает, что трудно ждать объективности суждений даже в случаях, когда собраны вместе оценки одного и того же временного интервала развития ПЛ, полученные от разных ученых (как это делалось, например, в разделе "Quo vadis, Psycholinguistics?" международного издания "International journal of psycholinguistics" в 1977–79 гг. или имеет место в журнале "Synthese", 1987. V. 72. № 3).

С позиций развития мировой ПЛ представляется рациональным условно выделить в качестве первого ("подготовительного") периода предпосылки для возникновения ПЛ в психологических и лингвистических публикациях в разных странах до середины XX в., вторым периодом считать 50–70-е гг. нашего века, когда происходило оформление ПЛ как самостоятельной области исследований, а отсчет третьего периода начинать с 80-х гг., увязывая его с появлением фундаментальных междисциплинарных психолингвистических исследований⁵. Выделенные периоды в равной мере справедливы как для отечественной, так и для зарубежной ПЛ; характеристика периодов отвечает единому принципу динамики – от предпосылок, через становление самостоятельной науки к появлению фундаментальных междисциплинарных работ, что позволяет прогнозировать специфику следующего (четвертого, уже относящегося к будущему) периода в качестве этапа действительной реализации задач ПЛ как науки интегративного типа.

3. ЗАВИСИМОСТЬ ДИНАМИКИ ИДЕЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ ОТ РАЗНЫХ ФАКТОРОВ

Выше приводились высказывания некоторых авторов по поводу зависимости развития ПЛ от взятых за основу лингвистических или психологических концепций. По публикациям разных лет можно проследить трактовку ПЛ как части лингвистики с разными вариациями: от дескриптивной и структурной лингвистики, а также трансформационной порождающей грамматики до "лингвистики будущего" (в последнем случае ПЛ квалифицируется как входящая вместе с современной социолингвистикой и прагматикой в состав семиологии по Ф. де Соссюру [Горелов, Седов 1997: 199], как подход к разработке будущей теоретической лингвистики [Супрун 1996: 271] и т.д.). Вне всякого сомнения, специфика отечественной ПЛ – теории речевой деятельности – изначально обусловлена подготовившими для нее почву концепциями выдающихся лингвистов, психологов, физиологов.

По справедливому замечанию Эвелин Хэтч [Hatch 1983], психолингвисты, пришедшие из разных областей знания и имеющие соответствующую базовую подготовку, различаются между собой. Так, обратившиеся к ПЛ лингвисты рассматривают овладение языком, продуцирование и понимание речи как процессы, подчиняющиеся языковым правилам, которые вытекают из системности языка; поэтому их интересуют не названные процессы как таковые, а те языковые отношения, которые направляют эти процессы. С другой стороны, психологи, становясь психолингвистами, верят, что они исследуют и интеллектуальные процессы, которые трактуются как центральные для ПЛ, поскольку, они, по их мнению, объясняют и овладение языком, и научение в целом. В то же время, преподавателей языка – второго или иностранного – интересуют вопросы, связанные

⁴ Наглядными примерами этому могут служить описанные самими учеными пути поиска истины, в том числе переход Дж. Маклелланда [McClelland 1995] от бихевиоризма через когнитивизм к когнитивной науке или Дж. Лакоффа [Lakoff 1995] от идей порождающей грамматики Н. Хомского через принятие идей Г. Фреге и генеративную семантику и далее через признание необходимости учета особенностей работы мозга человека, процессов метафоризации, категоризации и т.д. к когнитивной науке и трактовке семантики с позиций коннекционизма.

⁵ См. обзор появившихся в последние годы в разных странах публикаций по актуальным проблемам ПЛ в [Залевская, в печати].

с легкостью/трудностью овладения языковыми структурами, с факторами, которые влияют на успешность обучения другому языку, и т.п. К этому можно добавить, что речь в таких случаях идет о различиях в характере рассматриваемых проблем, в подходах к их решению, в расстановке акцентов и в способности увидеть то, что "разрешено" исходной системой ориентиров, не замечая в то же время факты, не вписывающиеся в такую систему. Именно поэтому необходима подготовка нового поколения психолингвистов, готовых воспринять идеи интегративной науки сегодняшнего дня на базе фундаментальной грамотности в области как лингвистики, так и психологии.

Следует подчеркнуть, что объяснение динамики идей ПЛ исключительно ее "фатальной" зависимостью от взятых за основу лингвистических или психологических концепций ныне представляется недостаточным. Во-первых, ПЛ широко использует результаты исследований, полученных и в ряде других наук (в том числе – в нейронауках, в исследованиях в области искусственного интеллекта и др.). Во-вторых, развитие идей ПЛ не может рассматриваться вне более широкого контекста динамики общетеоретических подходов в мировой науке, т.е. вне смены "парадигм" или "метафор", оказывающих влияние на весь комплекс так или иначе связанных наук. В-третьих, то, что было типичным для периода становления ПЛ, когда ею (по необходимости) в готовом виде брались те или иные лингвистические и/или психологические концепции, проверялась "психологическая реальность" лингвистических построений, уже ушло в прошлое по меньшей мере для тех, кто серьезно занимается ПЛ с пониманием специфики ее задач. Не случайно в фундаментальных психолингвистических исследованиях оказывается трудным или даже невозможным вычленивать, например, "лингвистический компонент" (см. подробнее [Залевская 1996а: 175–178]), поскольку речь идет именно о психолингвистическом подходе к исследованию особенностей функционирования языка у человека, а не об абстрактной языковой системе, долгие годы описывавшейся "чистой" лингвистикой⁶. Иными словами, на смену тому, что было естественной "болезнью роста" при формировании ПЛ, приходит разработка собственной теории, развитие которой происходит по мере накопления результатов проверки определенных рабочих гипотез, что дает основания для детализации, совершенствования или пересмотра тех или иных положений. Более того, становится все очевиднее следующее: по мере реализации лингвистикой во многом только декларируемой ею обращенности к человеку как носителю языка (т.е. в случае действительно последовательного учета "человеческого фактора" при функционировании языка) она фактически должна перейти на позиции ПЛ, поэтому в текущий момент скорее следует говорить о все усиливающемся влиянии психолингвистических идей на развитие лингвистики, а не наоборот (см. аналогичное высказывание А.А. Леонтьева [Леонтьев 1995: 308] о перерастании "чистой" лингвистики в ПЛ, нейролингвистику, социолингвистику и т.д., а также указания на тенденцию к интеграции представлений о языке с позиций разных наук [Кибрик 1995: 219] и на возрастание интереса лингвистики к фундаментальному аспекту языковых феноменов [Николаева 1995: 380], что также говорит о сближении лингвистики с ПЛ).

Сказанное выше дает основания для заключения, что, во-первых, развитие ПЛ идей должно рассматриваться не только с учетом специфических истоков того или иного научного направления, но и в более широком контексте развития мировой науки, а во-вторых, своеобразие той или иной психолингвистической школы не может выводиться исключительно из так или иначе учитываемых лингвистических или психологических учений: оно должно обуславливаться уровнем интегративности и объяснительной силы предлагаемой концепции, что в то же время допускает формирование ряда школ в русле одного общенаучного направления (например, теории деятельности;

⁶ Различия между описываемым с позиций лингвистики коллективным знанием и спецификой индивидуального знания, формирующегося и функционирующего у человека по законам психической деятельности, но под контролем социально выработанных систем норм и оценок, обсуждаются в [Залевская 1992].

см. подробнее [Залевская 1996а]). Эти положения можно интерпретировать и как необходимость учета **взаимодействия ряда внешних и внутренних факторов**, обуславливающих развитие ПЛ не только за счет воздействия на нее широкого круга в той или иной мере смежных с нею наук, но и в связи с собственными "болезнями роста" и закономерностями перехода к полноценному статусу самостоятельной области знания.

4. ДИНАМИКА ПРОБЛЕМАТИКИ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ НАУКИ

Формирование ПЛ началось в период пандемии информационного подхода как общенаучной парадигмы, определявшей в то время специфику видения исследуемых объектов и характер используемой терминологии. Так, если мы посмотрим на перечень проблем, рассматривавшихся в [Osgood, Sebeok (Ed.) 1954], то обнаружим, что речь шла о "кодировании" и "декодировании", о "пропускной способности канала связи", о "приложении мер энтропии" к исследованию того, как происходит "передача информации" с помощью "речевого сообщения" и т.п. (см. также [ВП 1971]). Это было вполне естественным в условиях всеобщего стремления максимально учесть идеи общей теории связи, которая к тому же трактовалась в качестве одной из платформ для разработки ПЛ.

Иная терминология, отображающая специфику другого общенаучного подхода, прочно завоевала место в психолингвистических публикациях по мере компьютеризации мировой науки и, в частности, в связи с активизацией исследований в области компьютерного моделирования интеллектуальных процессов. Компьютерная метафора овладела умами психолингвистов, побуждая их анализировать языковой/речевой механизм человека и протекающие в нем процессы с преломлением их через призму машинного моделирования в свете представлений о возможностях и ограничениях, которые специфичны для соответствующих структур и процессов при признании аналогии между работой мозга (как "процессора") и работой компьютера со всеми вытекающими отсюда последствиями. Типичные примеры терминологии при таком подходе – "переработка языка", "множественный доступ" или "селективный доступ" к слову, "переработка как исчисление (computation) синтаксической структуры" (см., например, [Garnham 1985]).

Осознание несостоятельности компьютерной метафоры для объяснения специфики функционирования языка у человека (см. дискуссию по этому поводу в [Baumgartner, Payr (Ed.) 1995], а также [Фрумкина 1996]) привело к развороту на 180° в определении соотношения между работой мозга и работой компьютера: авторы психолингвистических публикаций последних лет все чаще обращаются к исследованиям в области нейрологии и к моделям познавательных процессов, базирующимся на аналогии с устройством и принципами работы мозга индивида. Дискуссия между "традиционалистами" и "коннекционалистами" неизбежно приводит к признанию необходимости разработки "гибридных" концепций, учитывающих специфику нейронных связей, распространяющейся по ним активации, роли параллельно протекающих процессов, взаимодействия процессов переработки "снизу-вверх" и "сверху-вниз" и т.д. [Щепцов 1996; Baumgartner, Payr (Ed.) 1995].

Большое влияние на развитие ПЛ и на динамику ее проблематики оказали две "когнитивные революции" (см. [Харре 1996]). Первой когнитивной революцией обычно называют устойчивый переход от свойственного бихевиоризму изучения "объективного", т.е. наблюдаемого извне, поведения (в противовес "субъективным", не поддающимся прямому наблюдению, ментальным процессам) к изучению когнитивных феноменов.

Думается, что именно в этом контексте должна рассматриваться роль работ Н. Хомского, выступившего с критикой бихевиористской концепции языка: то, что некоторыми авторами трактуется как "хомскианская революция", было одним из проявлений обще-

научного "поворота" к исследованию ментального в противовес поведенческому; в то же время личностная ориентированность Н. Хомского на разработку идей трансформационной порождающей грамматики прежде всего в логическом аспекте надолго увела его самого и его последователей от исследования познавательных процессов как таковых.

Второй когнитивной революцией (или дискурсивным переворотом) считается переход от акцентирования внимания на слове и предложении к тексту и далее к дискурсу, приведший к оформлению дискурсивной психологии, дискурсивного подхода и т.п. (см. например, [Макаров 1998; Павлова 1996; Харре 1996]). Фундаментальная значимость переключения на дискурс связана с осознанием в мировой науке роли межличностных знаковых (символических) взаимодействий в умственных процессах: активность трактуется как когнитивная, если реализующий ее человек использует символы или другие средства, направленные вне его и подчиняющиеся некоторым нормативам, которые определяют корректность или некорректность использования этих средств [Харре 1996: 3]. Однако такие средства приобретаются только через совместную деятельность людей, в том числе – речевую, т.е. через дискурс. Заметим, что эти идеи были значительно ранее (в 30-е гг.) сформулированы в работах Л.С. Выготского⁷.

Параллельно с оформлением дискурсивной психологии как отдельного научного направления в ПЛ происходит активизация исследований в области дискурса с переносом акцентов с синтаксиса на семантику (см., например, [Garnham 1985; Kess 1993; Cartoll 1994]). Отечественной ПЛ как теории речевой деятельности с самого начала было свойственно признание изначальной активности субъекта деятельности и включенности его в коммуникативное и прочее взаимодействие при ведущей роли семантики и мотивации, на что указывают и зарубежные авторы (см., например, [Харре 1996: 5]).

Наряду с этим чрезвычайно сильной оказалась тенденция к интегрированию результатов, получаемых многими науками, так или иначе связанными с изучением человека и разных аспектов его функционирования в природе и обществе. Это также не могло не сказаться на переориентации ПЛ в плане ее задач как науки интегративного типа, на расширении ее связей с другими науками, на проведении междисциплинарных исследований при взаимодействии специалистов из разных областей знания, т.е. на ее фактическом переходе на позиции когнитивной науки.

Необходимо подчеркнуть, что названные выше "парадигмы", "подходы", "революции" не должны восприниматься буквально, т.е. как существующие "от" и "до" определенного момента: о смене парадигм можно говорить лишь условно, ибо возможно их параллельное функционирование в течение определенного периода времени. В работе [Чернейко 1995] уточняется, что термин "парадигма" понимается в науке по-разному: как модель постановки проблемы; как общепринятая теория, являющаяся образцом; как философия языка; как взгляд на язык; как образец, пример. Согласившись с автором в том, что наиболее приемлемой является трактовка парадигмы как взгляда на исследуемый объект, мы тем самым признаем важность научных дискуссий, в ходе которых рождается истина.

Выше уже были названы основные исследуемые ПЛ проблемы. С учетом динамики актуальных для разных периодов времени общенаучных подходов и ставившихся конкретных исследовательских задач под тем или иным углом зрения рассматривались прежде всего проблемы овладения языком и функционирования языка при производстве и понимании речи. Заметим, однако, что хотя отдельные ученые занимаются исследованием особенностей овладения только первым языком в детском возрасте или, наоборот, изучают специфику овладения вторым (третьим и т.д.) языком у разных

⁷ К сожалению, в этом случае (как и во многих других) осознание актуальности и плодотворности идей отечественного автора приходит к нам как следствие пробуждения интереса к сходной проблематике за рубежом, что напоминает поездку из Москвы в Санкт-Петербург через Владивосток. Рассмотрение типичности подобной ситуации заслуживает отдельной публикации

возрастных групп в различающихся условиях (естественных или учебных), для ПЛ как науки важен широкий круг проблем, связанных с общечеловеческими механизмами овладения и пользования языком, с используемыми при этом универсальными стратегиями и опорными элементами, а также со специфическими особенностями применения тех и других в разных условиях и при воздействии комплекса внешних и внутренних факторов. Еще одно необходимое уточнение связано с тем, что при акцентировании внимания на не поддающихся прямому наблюдению процессах функционирования языка у человека ПЛ тем не менее учитывает включенность индивида в систему социальных взаимодействий, вне которых ни овладение, ни пользование языком не могут успешно реализоваться.

Исследование названных выше основных проблем ПЛ неизбежно связано с решением широкого круга вопросов, нередко выходящих за рамки ПЛ в смежные с нею области науки о человеке.

5. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ В ТЕКУЩИЙ ПЕРИОД

Конкретизация таких проблем в разных публикациях варьируется и связана с определением предмета ПЛ и ее задач.

При рассмотрении особенностей текущего периода и ставших популярными за последние 15–20 лет тем Д. Кэрролл [Carroll 1994] говорит о все усиливающейся трактовке ПЛ как части междисциплинарной когнитивной науки и о том, что возбудивший "хомскианской революцией" интерес психологов к синтаксису пробудил интерес и к другим аспектам языка. Д. Кэрролл отмечает, что в настоящее время ПЛ занимается более широким кругом проблем, чем это было несколько десятилетий назад. Одной из популярных областей исследования является ныне изучение того, как люди понимают, запоминают и продуцируют дискурс. Другой такой областью является лексикон, или ментальный словарь. Изучение слов стало очень распространенным в последнее десятилетие. У названного круга тем наряду с теоретической важностью есть и практическое приложение: исследование дискурса помогает глубже заглянуть в процессы разговора с позиций психотерапии, а изучение лексикона помогает понять, как дети учатся читать. Еще одна проблема связана с тем, как психолингвисты трактуют овладение ребенка языком. Интерес к врожденным языковым механизмам дополняется возрождением исследований языкового окружения ребенка. Взрослые говорят с детьми иначе, чем со взрослыми, с точки зрения фонологии, семантики, синтаксиса и прагматики, и многие исследователи изучают роль "языковых уроков" в овладении ребенком языком. Ощутимый прогресс наблюдается в изучении таких тем, как чтение, билингвизм и языковые нарушения. Успех достигнут благодаря интегрированию подходов с позиций разных дисциплин в рамках когнитивной науки. Д. Кэрролл рассматривает также виды знания, вовлеченного в пользование языком, биологические основы языка и взаимодействие языка, культуры и познания.

Детальную информацию о популярных ныне проблемах ПЛ можно получить из коллективной монографии "Handbook of psycholinguistics" [Gernsbacher 1994], к работе над которой были привлечены 49 авторов, включая редактора. В это фундаментальное издание вошли главы, посвященные таким аспектам ПЛ, как методология ПЛ исследований, различия в понимании речи со слуха и при чтении, восприятие звучащей речи, узнавание слов со слуха, узнавание слов при чтении, роль контекста при переработке неоднозначных слов, переработка предложений, понимание фигурального языка (метафор, идиом и др.), процессы получения выводного знания разных видов, уровни репрезентации в памяти текстов и дискурса, построение ментальных моделей содержания текста, переработка дискурса, овладение языком детьми и взрослыми, индивидуальные различия в понимании текста детьми, особенности овладения чтением, продуцирование речи на уровнях грамматического кодирования и дискурса.

мозговые механизмы и нейропсихологические проблемы языка и др. Большое внимание при этом уделяется исследованиям в области значения слова с учетом новых подходов к трактовке понятий признака, прототипа и т.д.

Несколько иные акценты расставлены в отечественных исследованиях последних лет, о чем свидетельствует проблематика симпозиумов по психолингвистике и теории коммуникации, ср.: "Языковое сознание", 1988; "Психолингвистика и межкультурное взаимодействие", 1991; "Язык, сознание, культура, этнос: теория и прагматика", 1994; "Языковое сознание и образ мира", 1997. В изданных в 90-х гг. учебниках по психолингвистике (см. [Горелов, Седов 1997; Леонтьев 1997; Шахнарович 1995]) в соответствии с исследовательскими интересами авторов большее внимание уделяется либо невербальным компонентам коммуникации, либо взаимоотношению речи и мышления, соотношению "язык – человек – общество" (включая понятие "языковой личности"); освещаются теоретические и методологические вопросы ПЛ, определяются тенденции в современной ПЛ, связанные с акцентированием внимания на образе мира и личности (см. также [Леонтьев 1993]); более детально рассматриваются проблемы природы и структуры языковой способности человека и вопросы психолингвистики развития. В ряде публикаций особо подчеркивается актуальность исследования межкультурного общения, этнокультурной специфики языкового сознания, различных аспектов взаимодействия языков и культур, языковых "картин мира" и т.д. (см., например, [Сорокин 1994; Тарасов 1996; ЭС 1996]). Можно было бы назвать также работы, посвященные целенаправленному исследованию особенностей процессов категоризации, понимания текста (с подчеркиванием специфики проекций текста у продуцента и у реципиента), роли опор при получении выводного знания, особенностей слова как единицы индивидуального лексикона, специфики лексикона при двуязычии, стратегий овладения и пользования вторым языком и т.д. (см. [Залевская, в печати]).

Анализ публикаций последнего десятилетия (в том числе написанных разными авторами англоязычных "Введений в психолингвистику") показывает пересечение, а иногда и совпадение проблематики, которая оказалась в настоящее время наиболее актуальной для ПЛ, когнитивной психологии, когнитивной лингвистики, исследований в области искусственного интеллекта и отчасти – прагматики (см., например, [Sternberg 1996; Thomas 1995; Ungerer, Schmid, 1996]). На несомненные признаки схождения, объединяющие ПЛ и прагматику по объектам и целям исследования, на основании анализа соответствующих статей в "Лингвистическом энциклопедическом словаре" (М., 1990) указывают [Горелов, Седов 1997]. Это также говорит в пользу грядущей интеграции ряда наук.

6. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

1. ПЛ в разных ее трактовках и воплощениях в жизнь тем не менее идет к единой цели – описанию и объяснению особенностей функционирования языка как психического феномена (включая овладение и пользование как первым, так и вторым языком) с учетом сложного взаимодействия множества внешних и внутренних факторов.

2. Решение связанных с достижением этой цели исследовательских задач требует дальнейшего развития ПЛ как науки интегративного типа, как одного из направлений когнитивного подхода, объединяющего усилия специалистов (с фундаментальной подготовкой) из разных областей знания, изучающих человека, для разработки психолингвистической теории высокой объяснительной силы и реализации широкой программы комплексных экспериментальных исследований. Осознание этого – важнейший итог развития ПЛ за 50 лет.

3. Разработка такой теории невозможна через механическое сложение "готовых" психологических, лингвистических и прочих концепций, поскольку они ориентированы на иные цели. ПЛ должна исходить из собственной системы координат для осмыс-

ления, интерпретации и преломления через призму своих интересов идей и результатов, наличных в мировой науке сегодняшнего дня и координируемых с данными текущих психолингвистических исследований (как гипотез, так и получаемых при их проверке экспериментальных показателей).

4. В число наиболее актуальных и перспективных генеральных направлений психолингвистических изысканий нового этапа, по-видимому, должны войти разработка теории знания как достояния индивида; пересмотр понятия референции для построения психолингвистической концепции значения; установление особенностей функционирования слова (в том числе иноязычного) при овладении языком, в процессах продуцирования и понимания речи в дискурсе. Эти направления взаимосвязаны, и каждое из них включает комплекс проблем, актуальность исследования которых уже доказана. Например, психолингвистическая теория знания подразумевает рассмотрение проблем языкового сознания и языковой личности, картины мира, взаимодействия процессов переработки перцептивного, когнитивного и эмоционально-оценочного опыта индивида и функционирования продуктов этих процессов на разных уровнях осознаваемости, использования разнообразных стратегий и опорных элементов при оперировании знанием (в том числе выводным) и т.д.

5. В качестве базы для разработки ПЛ теории и параллельно с ней важна реализация широких программ межъязыковых и межкультурных экспериментальных исследований, желательно с координированием усилий ученых из разных стран (см. пример такой программы [Залевская 1996]).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бараинов А.Н., Добровольский Д.О. (Ред.). 1996 – Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике. М., 1996.
- ВП 1971 – Вероятностное прогнозирование и речи. М., 1971.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф. 1997 – Основы психолингвистики. М., 1997.
- Залевская А.А. 1992 – Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992.
- Залевская А.А. 1996а – Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь, 1996.
- Залевская А.А. 1996б – Вопросы теории и практики межкультурных исследований // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Залевская А.А., в печати – Введение в психолингвистику (в печати).
- Зубкова Л.Г. 1997 – К истокам когнитивной парадигмы в отечественной науке: А.А. Потебня // Когнитивная лингвистика конца XX века: Материалы Международной научной конференции 7–9 октября 1997. Ч. 1. Минск, 1997.
- Кибрик А.Е. 1995 – Куда идет современная лингвистика? // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тезисы Международной конференции. Т. I. М., 1995.
- Леонтьев А.А. 1990 – Психолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Леонтьев А.А. 1993 – Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993.
- Леонтьев А.А. 1995 – Надгробное слово "чистой" лингвистике // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тезисы Международной конференции. Т. II. М., 1995.
- Леонтьев А.А. 1997 – Основы психолингвистики. М., 1997.
- Микаров М.Л. 1998 – Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
- Наукова Т.Н. 1990 – Психологически ориентированные синтаксические теории в русской и советской лингвистике. Саратов, 1990.
- Николаева Т.М. 1995 – Лингвистика начала XXI века: попытка прогнозирования // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тезисы Международной конференции. Т. II. М., 1995.
- Павлова Н.Д. 1996 – Современный диалог-анализ. Обзор зарубежных исследований // Иностранная психология. 1996. № 6.
- Сихарный Л.В. 1989 – Введение в психолингвистику. Л., 1989.
- Сорокин Ю.А. 1996 – Этническая конфликтология. М., 1994.
- Супрун А.Е. 1996 – Лекции по теории речевой деятельности. Минск, 1996.
- Тарасов Е.Ф. 1987 – Тенденции развития психолингвистики. М., 1987.

- Тарасов Е.Ф. 1991 – История психолингвистических школ. Теория речевой деятельности // Введение в психолингвистику (Текст лекций для студентов педагогических факультетов, аспирантов и слушателей ФПК). Ч. 1. М., 1991.
- Тарасов Е.Ф. 1996 – Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Фрумкина Р.М. 1995 – Лингвистика в поисках эпистемологии // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тезисы Международной конференции. Т. II. М., 1995.
- Фрумкина Р.М. 1996 – "Теория среднего уровня" в современной лингвистике // ВЯ. 1996. № 2.
- Харре Р. 1996 – Вторая когнитивная революция // Психологический журнал. 1996. Т. 17. № 2.
- Цепцова В.А. 1996 – От критики коннекционизма к гибридным системам обработки информации // Познание. Общество. Развитие. М., 1996.
- Чернейко Л.О. 1995 – Две лингвистические парадигмы // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы. Тезисы международной конференции. Т. II. М., 1995.
- Шахнарович А.М. 1995 – Общая психолингвистика. М., 1995.
- ЭС 1996 – Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996.
- Baumgartner P., Payr S. (Ed.) 1995 – Speaking minds: interviews with twenty eminent cognitive scientists. Princeton. 1995.
- Blumental A.L. 1987 – The emergence of psycholinguistics // Synthese. 1987. V. 72.
- Carroll D.W. 1994 – Psychology of language. Pacific Grove, CA. 1994.
- Dreyfus H.L. 1995 – Cognitivism abandoned // Baumgartner P., Payr S. (Eds.). Speaking minds: interviews with twenty eminent cognitive scientists. Princeton, 1995.
- Fodor J.A. 1995 – The folly of simulation // Baumgartner P., Payr S. (Eds.). Speaking minds: interviews with twenty eminent cognitive scientists. Princeton, 1995.
- Garnham A. 1985 – Psycholinguistics: central topics. London; New York, 1985.
- Gernsbacher M.A. 1994 – Handbook of psycholinguistics. San Diego, 1994.
- Hatch E. 1983 – Psycholinguistics: a second language perspective. Rowley (Mass.). 1983.
- Kess J.F. 1976 – Psycholinguistics: introductory perspectives. New York, 1976.
- Kess J.F. 1993 – Psycholinguistics: psychology, linguistics and the study of natural language. Amsterdam; Philadelphia, 1993.
- McCauley R.N. 1987 – The not so happy story of the marriage of linguistics and psychology, or why linguistics has discouraged psychology's recent advances // Synthese. 1987. V. 72.
- McClelland J.L. 1995 – Towards a pragmatic connectionism // Baumgartner P., Payr S. (Ed.) Speaking minds: interviews with twenty eminent cognitive scientists. Princeton, 1995.
- Osgood C.E., Sebeok T.A. (Ed.) 1954 – Psycholinguistics. A survey of theory and research problems. Baltimore, 1954.
- Pinker S. 1995 – The language instinct: how the mind creates language. New York, 1995.
- Prindeaux G.D. 1984 – Psycholinguistics: the experimental study of language. London; Sidney, 1984.
- Prucha I. 1976 – International journal of psycholinguistics. 1978. V. 5. № 3 – Rec.: Kess J.F. Psycholinguistics: introductory perspectives. 1976.
- Reber A.S. 1987 – The rise and (surprisingly rapid) fall of psycholinguistics // Synthese. 1987. V. 72.
- Sternberg R.J. 1995 – Metaphors of mind. Conceptions of the nature of intelligence. Cambridge, 1995.
- Sternberg R.J. 1996 – Cognitive psychology. Fort Worth, 1996.
- Thomas J. 1995 – Meaning in interaction: an introduction to pragmatics. London; New York, 1995.
- Ungerer F., Schmid H.-J. 1996 – An introduction to cognitive linguistics. London; New York, 1996.
- Werisch J.V. (Ed.) 1986 – Culture, communication, and cognition: Vygotskian perspectives. Cambridge, 1986.